

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35
УДК 330.35(045)
JEL O4

Механизмы экономического роста*

В.В. Ивантер,
РАН,
Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-6107-6250>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению механизмов обеспечения экономического роста. Исследуется роль и место стратегического планирования в экономической политике Российской Федерации. В статье показана важная роль увеличения спроса и инвестиций – главных двигателей экономического роста. Цель работы: предложить первоочередные шаги для запуска стабильного развития российской экономики. В работе говорится о том, что благоприятная макроэкономическая ситуация в стране – необходимое, но не достаточное условие экономического роста, указаны основные факторы, его ограничивающие. Требуется активная экономическая политика властей на основе стратегического планирования. Принятая правительственная программа цифровизации способна ускорить рост экономики, но не сможет автоматически улучшить ее структуру. Сделан вывод о необходимости повышения нормы накопления (инвестиций) и обеспечения роста производительности труда. Для этого необходимы модернизация производства, улучшение организации труда, развитие образования и профориентации, увеличение продолжительности трудовой жизни, а также тиражирование успешного опыта. Для решения основной задачи развития экономики предлагается активнее внедрять инфраструктурные облигации и проектное финансирование, оказывать поддержку экспорту и использовать другие стимулы. Необходим успешный переход к проектному государственному управлению.

Ключевые слова: стратегическое планирование; спрос; инвестиции; цифровизация; поддержка экспорта; проектное финансирование; проектное государственное управление

Для цитирования: Ивантер В.В. Механизмы экономического роста. *Мир новой экономики*. 2018;12(3):24-35. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35

* Статью подготовил А.В. Лопухин, в ней использованы публикации В.В. Ивантера за последние 12 месяцев с согласия автора.

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35
UDC 330.35(045)
JEL O4

Mechanisms of Economic Growth

V.V. Ivanter,

The Russian Academy of Science

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6107-6250>

ABSTRACT

The article is devoted to the mechanisms of economic growth. It examines the role and place of strategic planning in the economic policy of the Russian Federation. It also shows the important role of increasing demand and investment – the main engines of economic growth. The purpose of the article is a presentation of the proposal of priority steps for the launch of the stable development of the Russian economy. The article states that a favourable macroeconomic situation in the country is a necessary but not sufficient condition for economic growth, and shows the main factors that limit it. To achieve these goals, the authorities need to provide an active economic policy based on strategic planning. The adopted government program of digitalization can accelerate the growth of the economy, but will not automatically improve its structure. It is concluded that it is necessary to increase the rate of accumulation (investment) and ensure productivity growth. This requires modernization of production, improvement of labour organization, development of education and career guidance, increase of working life, as well as replication of successful experience. To solve the main task of economic development, it is proposed to introduce infrastructure bonds and project financing more actively, to support exports and to use other incentives. A successful transition to project-based public administration is also needed.

Keywords: strategic planning; demand; investments; digitalization; export support; project financing; project state management

For citation: Ivanter V.V. Mechanisms of economic growth. *Mir novoi ekonomiki = Word of the new economy*. 2018;12(3):24-35. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-3-24-35

НУЖНА ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЙ, А НЕ НАБОР ЦИФРОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Макроэкономическая ситуация в российской экономике последнее время стабильна и достаточно благоприятна: исторически низкая инфляция, сверхнизкий в сравнении со многими странами государственный долг, довольно устойчивый рубль, переставший реагировать на каждое движение цен на энергоносители, регулярное снижение ключевой ставки Банком России и заметно выросшие доходы от нефтегазового экспорта.

Произошло масштабное импортозамещение в оборонно-промышленном секторе, да и в других

секторах мы видим серьезные сдвиги: сельское хозяйство перестало быть убыточной отраслью, мы научились выпускать вполне конкурентоспособную продукцию.

На первый взгляд, основные условия для экономического роста созданы, однако его темпы уже второй год составляют менее 2%, что никоим образом не отвечает поставленной в новых майских указах Президента страны задаче: обеспечить темпы экономического роста выше мировых. При этом для поставленной Президентом цели (в полтора раза увеличить ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) экономика должна развиваться темпами 5–6% в год.

Чем это можно объяснить? Макроэкономическая стабильность — необходимое, но не достаточное условие для экономического роста. Он требует еще и активных действий. Это только так кажется, что все решения приняты, цели поставлены, а дальше все пойдет само собой.

Нынешние темпы экономического развития нас не устраивают, а оснований ожидать более быстрого роста валового внутреннего продукта (ВВП) и доходов населения пока нет. Цели есть, все необходимые ресурсы есть, а результатов нет. Почему? Потому что явно сформулированной, целостной экономической политики у нас так и не появилось. Вместо нее — набор разрозненных решений, которые не складываются в общую понятную картину [1].

Именно ее, а не отдельные камешки мозаики, должны увидеть и воспринять население и бизнес. Иначе им очень трудно принимать решения об инвестициях, расходах и т. д. Когда писатель пишет роман, он знает, кто будет его читателем. У экономической политики тоже есть свои «читатели» — бизнес и население.

Чтобы с прибылью вложить свои деньги, бизнес должен понять, каковы намерения власти и на что она их потратит. Планы властей влияют и на то, как население распоряжается своими сбережениями и зарплатой: если людям дают понять, что доходы будут расти, то они планируют определенные траты, а если доходы будут падать, то больше сберегать.

Иначе говоря, экономическая политика формирует ожидания, на которых, собственно, и основана современная экономика. На позитивных ожиданиях можно преодолеть самый жесткий кризис, и наоборот. Это доказывает наш же собственный опыт.

Известно, что денежно-кредитная политика направлена на достижение стабильно низкой инфляции, а бюджетно-налоговая — на снижение дефицита федерального и региональных бюджетов. Но, во-первых, замедление темпов роста цен не может быть самоцелью. Потребителям это на руку, а вот производители на это могут отреагировать неоднозначно. Одно дело, когда цены замедляются и при этом растут доходы, и совсем другое — когда доходы стагнируют.

В последнем случае бизнес просто решит, что ему незачем инвестировать, потому что нет предпосылок для роста спроса на его продукцию. В свою очередь, проблемы спроса — это

уже одна из центральных тем экономической политики.

Во-вторых, если слишком упорно добиваться снижения расходов бюджета, объем денег в экономике станет сокращаться и бюджетные вложения нужно будет замещать частными. Но бизнес вряд ли будет в этом заинтересован в условиях, когда само государство не желает вкладывать деньги в собственную экономику.

Некоторые вещи бизнес делает точно лучше государства, которое при этом не остается внакладе — оно получает свое через налоги и более высокие зарплаты. Однако бизнесу нужны условия, чтобы проекты, в которых государство заинтересовано, могли сохранять свою эффективность. Создание таких условий — также предмет экономической политики, которой нам так не хватает.

Пока же четко сформулирована цель: существенно ускорить темпы роста ВВП. Цель правильная, но она имеет мало отношения к формированию ожиданий бизнеса и населения. Для них нарастающее отставание России по темпам роста от развитых стран — проблема явно не первоочередная.

Но если на эту же проблему посмотреть под другим углом зрения, понимая, что рост ВВП означает рост доходов, то в таком ракурсе это уже интересно и важно и для бизнеса, и для населения. Вопрос только в том, кто эти доходы получит, и ответ на него, опять же, дает экономическая политика.

Есть еще социальные цели, они закреплены в майских указах Президента России. Экономическая политика должна внятно объяснить, какими действиями достигаются эти цели, как в них участвуют население и бизнес.

Например, один из самых мощных способов подъема экономики — это инвестиции в жилье. Чтобы этот механизм работал, нужны развитое производство стройматериалов, низкие ставки по ипотеке (все это уже есть сейчас) и, самое главное, конкретные программы строительства жилья: где и сколько появится квадратных метров. Этот компонент, которого нам не хватает, тоже является частью экономической политики.

Где она должна быть четко и ясно изложена? В прогнозе Минэкономразвития. Экономический прогноз — это оценка последствий тех или иных действий (объявленной экономической политики), тогда как существующий официаль-

ный прогноз, скорее, сводится к попытке угадать будущее: сколько будет стоить нефть и рубль. Но это результирующие показатели, а не базовые.

Экономическая политика выражается в совершенно конкретных решениях власти: доводим до ума паромную переправу между Усть-Лугой и Балтийском, вкладываем средства в развитие транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока — в конкретные «точки роста».

Могут возразить: крупные проекты существуют и объявлены, например «Сила Сибири», уже построены мост через Керченский пролив, стадионы и дороги к чемпионату мира по футболу 2018 г. Но это важно, скорее, для крупного бизнеса, которому по плечу такие проекты, в то время как средний бизнес остается без подходящих ориентиров. Они должны быть описаны как раз в экономическом прогнозе.

Обнародование макропрогноза Минэкономразвития на три года откладывается, по всей видимости, до октября. Это решение (на первый взгляд чисто техническое) осложняет положение бизнеса, который ждет реальные планы Правительства на этот период.

В действительности вся необходимая система инструментов уже определена властью — есть закон о стратегическом планировании. Беда только в том, что он просто не исполняется. Это как раз тот случай, когда заново ничего придумывать не надо, достаточно взять и исполнить закон.

В прогнозе экономического развития наименее интересны стандартные цифровые показатели — цена нефти, валютный курс, темпы инфляции, т.е. все то, о чем так любят писать газеты. Гораздо важнее был бы перечень конкретных действий для достижения целей, поставленных Президентом.

Для бизнеса прогноз Правительства имеет вполне материальное значение. Прогнозы — это не проблема чисел, а проблема аргументов: прогноз рассказывает о том, что произойдет, если предпринять определенный набор действий.

Если власть говорит, что надо затянуть пояса, потому что структура экономики такая, «новая нормальность», международная обстановка, опять же, непростая, — то ничего не получится. Бизнес решит: зачем мне расширять производство, если спроса не будет, если доходы населения расти не будут и государство не собирается ничего строить. И напротив, разумный оптимизм власти способствует инвестициям, экономика приходит в движение, начинается рост.

Прогноз — это не план действий, а оценка возможных последствий той политики, которая главенствует в экономике. Нужен не прогноз, а государственный план. Конкретный и реальный. Скажем, решили строить завод. Где он будет? Какую продукцию станет производить? Какая выгода от него людям? Будут они иметь доход, чтобы ее приобрести? У нас сейчас это не делается.

Стратегический план Правительства должен не рассказывать о достижениях в будущем замечательных целей, а быть планом конкретных действий. Если завтра мы начинаем ремонт дорог и коммунальной инфраструктуры, если завтра можно будет получать доступный кредит на покупку автомобиля или квартиры, если мы уже завтра приступаем к расселению пятиэтажек, если мы действительно будем строить перинатальные центры и заниматься благоустройством городов, такие конкретные планы создадут экономический оптимизм.

Выигрывает тот, кто работает, но при этом должна быть уверенность в завтрашнем дне.

ЗНАЧЕНИЕ НИЗКОЙ ИНФЛЯЦИИ СИЛЬНО ПРЕУВЕЛИЧЕНО

Цифры Росстата показывают, что, похоже, мы переборщили с укрощением инфляции. Между рекордно низким темпом роста цен (2,5%) и торможением едва начавшегося экономического роста ощущается прямая связь.

Любая хозяйка, которая приходит в магазин, согласна, что с ростом цен надо отчаянно бороться любыми способами, но мы же экономику строим не только на житейском здравом смысле. Состояние, когда цены практически не растут, подходит лишь для сбалансированной экономики, а у нас она находится в состоянии изменения своей структуры.

Многое указывает на то, что ряд секторов обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроение, страдает от антиинфляционного догматизма. Впечатление от двузначной инфляции было таким сильным, что мы слишком увлеклись борьбой с этим злом, даже проскочив целевой уровень Банка России (4%).

Бизнес инвестирует только тогда, когда видит перспективы спроса на свою продукцию. В скобках отмечу, что хороший инвестиционный климат, о котором много говорят (минимум проверок, быстрые процедуры и т.д.), — это, конечно,

неплохо, но к серьезным проектам имеет мало отношения.

Последние двадцать лет мы неистово боролись с инфляцией, и это правильно. Но есть два способа борьбы. Первый — когда рынок заполняется качественными товарами в большом количестве, и тогда цены падают. Второй — когда Банк России сокращает предложение денег, повышая процентную ставку. Такое ужесточение денежно-кредитной политики снижает спрос на товары и услуги, падает и спрос на инвестиции. К сожалению, мы пошли вторым путем (<http://www.cbr.ru/DKP>).

У нас инфляция вызвана немонетарными факторами — повышением цен и тарифов монополистами, ростом издержек, акцизов, штрафов и налоговых сборов, изменением обменного курса рубля, который определяет потребительскую стоимость импорта, и т.д. Бороться с такой инфляцией монетарными способами бессмысленно.

Если уменьшается количество денег, то, по рецептам МВФ, бизнес должен снизить цены. А мы видим, что у нас он снижает выпуск, а цены повышает. Это называется стагфляцией. В какой-то мере такая проблема у нас есть сейчас.

Если в России рост цен связан с недостатком предложения товаров и услуг, то нужно вложить деньги, чтобы это предложение увеличить. Должен быть канал, по которому эти деньги попадут к тем, кто может это обеспечить. И Банк России должен отвечать не только за устойчивое денежное обращение и финансовую стабильность, но и за рост экономики.

Равновесие в экономике поддерживается автоматически через инфляцию, пока она не выходит за пределы 5% в год. В этих пределах рост цен не мешает, он необходим, поскольку сигнализирует бизнесу, что этот рынок растет, сюда можно вкладывать деньги.

Как, по большому счету, бизнес понимает, что будет спрос на ту или иную продукцию? Он реагирует на цены: если они растут, это говорит о том, что спрос превышает предложение, если не растут — рынок сбалансирован, пытаться продавать на нем больше товаров или услуг бессмысленно.

В первом случае инвестиции оправданы, во втором — нет, и этот расклад не в силах изменить никакие лозунги, постановления Правительства и даже бюджетные вложения в инфраструктуру. И сейчас мы видим, что рост инвестиций в основной капитал ниже необходимого для развития экономики.

СПРОС — ВСЕМУ ГОЛОВА

Скромный экономический рост, достигнутый в прошлом, на три четверти обеспечен добывающими отраслями. Это тревожный признак: впечатление такое, что зависимость экономики от нефти и газа не только не снизилась, но и возросла.

В росте ВВП преимущество должно бы быть за обрабатывающей промышленностью, хотя в структуре экономики топливно-энергетический комплекс в любом случае еще долго будет сохранять ведущую роль из-за колоссальных запасов сырья и дефицита рабочей силы в стране.

Причины не в том, что добывающие отрасли растут или цены на сырье становятся выше, а в том, что обрабатывающие отрасли чувствуют себя неважно. Они не растут из-за низкого уровня спроса, который в любой рыночной экономике является главным двигателем хозяйственной активности.

К сожалению, еще не преодолен спад в реальных доходах населения. С другой стороны — реальные зарплаты существенно растут, это вселяет определенный оптимизм.

Спрос не растет со стороны потребителей, а это, в свою очередь, сдерживает инвестиционный спрос, а отсутствие инвестиций блокирует рост производства, поэтому не растут доходы населения — получается полный замкнутый круг. Необходимо экономическими мерами «создать» себе покупателя.

При этом внешние условия работают в целом на нашу экономику — мировой экономический рост достиг уровня, близкого к 4%, но он обеспечивает высокий спрос лишь на наши традиционные экспортные товары и почти не влияет на выпуск в обрабатывающей промышленности.

Значит, государство должно поддержать спрос, и оно это делает: обещано увеличение минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума, выделены средства на поддержание семей с первым ребенком, предполагается выдача субсидий на ипотеку для семей с небольшими доходами. Но, очевидно, что этих мер недостаточно.

По нашему мнению, разогнать спрос поможет доступный кредит для отечественных и иностранных компаний, приобретающих продукцию российской обрабатывающей промышленности. Наивно полагать, что, если мы начнем выпускать

какую-то продукцию, которая будет дешевле и по качеству не хуже, чем у конкурентов, то нам освободят нишу на мировом рынке. Нелепые фантазии. За это надо бороться.

Бесплатно получить доступ на рынки технологичной и высокотехнологичной продукции невозможно, для этого во всем мире используется кредитование покупателя (только продовольствие и сырье реализуются за «живые деньги»).

Оно практикуется и в отечественной системе финансовой поддержки экспорта, но недостаточно широко — денег на это выделяется мало, а сами процедуры одобрения экспортных кредитов слишком сложные для того, чтобы сделать их по-настоящему массовыми. Понятно, что нужно давать кредиты тем, кто их возвратит. Если отказать деньги внутри страны, можно навредить экономике.

Для внутренних покупателей доступного кредита на приобретение продукции обрабатывающих отраслей нет — вряд ли кто-то решится взять кредит под 15% при инфляции в 3–4%.

Мы нанесли серьезный удар по потребительскому спросу, главному драйверу экономического роста.

Пора исправить эти упущения. Для этого у нас есть все ресурсы — валютные резервы, накопленные Банком России (свыше 430 млрд долл.), уже явно избыточны по всем международным критериям. Между тем даже четверти этого богатства с лихвой хватило бы, чтобы дать первый импульс застывшей экономике.

По нашей оценке, необходимо добавить в экономику кредитов не менее чем на 1,5 трлн руб. (для сравнения, объем инвестиций в стране — около 16 трлн руб.).

Это означает, что мы можем выйти на целевые уровни экономического роста (5–6%) не через годы болезненных реформ, а в очень короткие сроки, потому что есть сектора, которые уже сегодня способны выйти на мировые рынки, и есть еще больше отраслей, которые могут быть конкурентоспособными при минимальной поддержке.

Со стороны спроса ключевой для экономики вопрос: продолжится ли начатый в первые месяцы 2018 г. рост реальных доходов населения, который опирался на повышение зарплат работников бюджетной сферы? Если он носил характер разовой акции перед выборами, то торможение потребительского спроса может стать одним из ключевых ограничений для экономики. С этой

точки зрения ликвидация бедности — это прежде всего увеличение спроса в экономике.

Следует отметить, что, несмотря на значительный рост реальных зарплат и доходов населения, не отмечалось сколь-нибудь значимого инфляционного давления, связанного с расширением спроса. Более того, динамика доходов и спроса населения лишней раз демонстрирует, что российские граждане ведут себя вполне рационально, и попытки искусственного сдерживания потребительского спроса сейчас не имеют никакого смысла.

Инвестиции, уровень накопления — для обычного человека вещи довольно абстрактные, а в действительности они прямо связаны с уровнем жизни, который ожидает нас через несколько лет.

Расчеты Института народнохозяйственного прогнозирования говорят о том, что при этих 5–6% рост ВВП России на душу населения к 2025 г. будет составлять около 55% от уровня США по паритету покупательной способности, а в 2035 г. — 67%. Напомню, что в ходе последнего кризиса этот показатель снизился до 40%, а перед этим, в 2000-е гг., довольно быстро рос, оттолкнувшись от 18% в 1998 г.

Паритет покупательной способности (ППС) показывает разницу в стоимости определенного набора товаров или услуг в разных странах. А в номинале наш ВВП при превышающих среднемировые темпах роста в 2025 г. достигнет лишь 35% от уровня США, а в 2035 г. — 60%.

Иначе говоря, разрыв между ВВП по ППС и по номиналу сократится с 20 до 7%. Это значит, что экономика будет расти не только количественно, но и качественно, станет более разнообразной и устойчивой к колебаниям внешней конъюнктуры, и все это приведет к существенному укреплению обменного курса рубля.

Если же мы останемся с нормой накопления в 20% и ниже (как сейчас), то в лучшем случае будем довольствоваться инерционным ростом, который просто приведет к тому, что Россия превратится по уровню доходов в страну третьего мира. Тогда к 2035 г. наш ВВП на душу населения будет даже ниже, чем в полуторамиллиардном Китае.

Мало дать деньги на организацию производства, нужно, чтобы людям было на что покупать. Частично эта проблема решается сама собой: у людей есть сбережения, но не у всех, и в этом

смысле повышение доходов пенсионеров и бюджетников — не просто социальная мера, это мера поддержки экономического роста.

Реформировать на самом деле ничего не надо, при слове «реформа» народ вздрагивает — сейчас что-нибудь отберут. Надо тиражировать достигнутые успехи. Они есть в сельском хозяйстве, металлургии, химии, фармацевтике, IT-технологиях, ОПК. Там государство внятно действовало, методы применялись известные и понятные. Почему нельзя их использовать в других секторах?! Экономический рост может начаться, нет оснований посыпать голову пеплом.

Что касается инноваций, то спрос на них возникает только тогда, когда есть инвестиции. Но в стоячую экономику психически здоровые люди не вкладываются. И здесь на помощь должно прийти государство, разделить с инвесторами риски. Давайте меньше государства, нам говорят. Я не против, но чем его заменить [2]?

ДЕНЕГ В СТРАНЕ ИЗБЫТОК

Сейчас финансово-экономический блок активно обсуждает вопрос о том, как найти деньги для инвестиций в инфраструктуру. Были разные предложения: увеличить НДС, смягчить бюджетное правило, увеличить внутренние заимствования. Решено создать фонд инфраструктурных инвестиций и привлечь в него не менее 3 трлн руб., в основном за счет выпуска облигаций федерального займа.

Проблема денег на самом деле — не главная. В стране избыток ликвидности, т. е. денег достаточно. А главное: сколько из этих 3 трлн руб. будет реально потрачено и на что? Самое же интересное — оценка результатов этих проектов. Позитивным примером можно считать Крымский

мост: решение было принято, цель понятна, и это сложнейшее инженерное сооружение возведено в рекордно короткие сроки безо всякого фонда.

Минфин, можно не сомневаться, свою часть сделает: инфраструктурный фонд создаст, ресурсы для него найдет. Проблема может возникнуть на этапе отбора проектов, потому что за решения по ним никто не хочет нести ответственность. Если поиски проектов начнутся только сейчас, их реализацию можно ожидать лишь к 2024 г.

Возможности для успешного восстановления заложены в самой структуре российской экономики. Наша экономика — разнокачественная и разноуровневая. Должны быть каналы поступления денег туда, где есть острая необходимость. Тогда мы сможем очень быстро увидеть результат.

Проблема заключается не в том, чтобы добавить денег, и не в том, чтобы провести очередные реформы, — нужно создать каналы по передаче денег в реальные секторы.

ЧТО НАДО РЕФОРМИРОВАТЬ?

Реформы нужны, но речь не о том, чтобы снова провести повальную приватизацию или повальную национализацию, а о точечных, очень конкретных мерах на уровне отдельных секторов, отраслей, крупных межотраслевых комплексов и регионов для роста доходов.

Нам предлагают дожидаться структурных реформ, причем непопулярных. Здесь еще раз хочу заметить, что непопулярных реформ нет, но есть непродуманные и дурно организованные, и совсем не обязательно дожидаться их, чтобы увеличить спрос.

Реформировать на самом деле ничего не надо, при слове «реформа» народ вздрагивает — сейчас что-нибудь отберут. Надо тиражировать достигнутые успехи. Они есть в сельском хозяйстве, металлургии, химии, фармацевтике, IT-технологиях, ОПК. Там государство внятно действовало, методы применялись известные и понятные. Почему нельзя их использовать в других секторах?! Экономический рост может начаться, нет оснований посыпать голову пеплом.

Надо окончательно расстаться с мифом о том, что существует невидимая рука рынка, которая все расставит по местам. Конечно, Адам Смит был прав, рука есть, но она не работает за нас, а только беспощадно наказывает за просчеты и за бездействие. Больно она нас наказывала в 1998 г. и во все последующие кризисы. Ожи-

дания того, что экономика на основе самодеятельности сможет перейти к активному росту, не оправдались.

Информационная политика тоже должна быть перенастроена, потому что она формирует инвестиционные ожидания и представления о возможных рисках. Речь не о том, чтобы что-то скрывать, просто информационный повод — это не только катастрофа, но и успех, положительный результат.

Нужно понимать, что точно так же, как инфляционные ожидания во многом определяют поведение потребителя, информация об экономической политике оказывает существенное влияние на инвесторов. Когда же власть сообщает, что, похоже, рост может быть менее 2% и это нормально, и при этом настойчиво повторяет, что бизнес должен инвестировать, то непонятно: с какой стати он должен это делать.

Спрос населения останется слабым, государство всячески сокращает расходы на экономику, отказывается от целого ряда инфраструктурных проектов, — суммируя все это, бизнес делает вывод, что деньги надо придерживать и дальше.

Государство все еще не дает внятных сигналов о перспективах экономики. А должно четко обозначить в своем стратегическом плане, что оно будет делать, чего ждет от общества и бизнеса, каких результатов намерено добиться.

Тогда и реформы не будут рассматриваться как непопулярные, и политическое доверие сохранится. Если же у общества и бизнеса нет твердой уверенности, что власть не собирается организовывать никаких безобразий, то не может быть нормальной экономической политики.

В НАДЕЖДЕ НА ЦИФРУ

Никто не спорит, что наше будущее связано с цифровой экономикой. Но нужно понимать, что речь идет не столько о создании новых отраслей и новой экономики, сколько об оцифровке существующей, о создании взаимосвязанных информационных систем. И здесь есть два распространенных заблуждения.

Первое подразумевает, что экономические проблемы можно заменить технократическими решениями. Но это иллюзия, у нас есть богатый опыт на этот счет. В 1960–1970-е гг. была большая надежда на внедрение автоматизированных систем управления. Но оказалось, что компьютеры не в силах заменить собой стимулы для сбалан-

сированного развития экономики, естественные только для рыночных отношений. Впечатляющим эффектом от автоматизированных систем был лишь в отдельных секторах, например в энергетике и оборонно-промышленном комплексе.

Сейчас «цифра» даст результат только в растущей экономике, а в стоячей или, чего доброго, падающей она обернется имитацией, разбазариванием денег. Наши расчеты показывают, что если рост ВВП России будет ограничен одним или двумя процентами в год, цифровизация останется не более чем благим пожеланием. Для перехода к цифровой экономике нужен рост темпами, по крайней мере, не ниже среднемировых.

Остановить, замедлить падение экономики оцифровка не в состоянии, она может лишь ускорить рост. А он построен на стимулах для инвестиций, которые лежат за пределами ИТ-технологий.

Таким образом, если будут приняты назревшие меры по поддержке экономического роста, то цифровые технологии будут способствовать повышению его темпов, но сама по себе цифровизация не сможет заменить действия по созданию традиционных стимулов к росту, не приведет к автоматическому совершенствованию структуры экономики.

Так, никакие технологии не могут подменить потребительский спрос, и если доходы населения падают, то ни один здравомыслящий предприниматель не станет расширять или модернизировать производство. Цифровые технологии ускоряют и делают прозрачнее процессы, снижают издержки, но только при условии, что есть покупатель с деньгами и продавец с товарами.

Второе заблуждение относительно цифровой экономики — это связывать с ней риски массовой безработицы. Бояться этого не надо. Сами по себе новые технологии не порождают безработицы, она возникает только в падающей экономике при снижении спроса и производства.

В свое время внедрение конвейерных систем на безработице никак не сказалось, потому что конвейер дал мощный импульс производительности труда и экономическому росту, и высвобождаемые работники находили себе новое приращение. То же самое можно сказать о других революционных технологиях — применении атомной энергии, спутниковых систем и т.д.

Особенностью России в ближайшие годы будет дефицит квалифицированной рабочей силы, и оцифровка экономики как раз могла бы помочь

решить проблему. Это, конечно, тоже произойдет не автоматически, потребует новой системы подготовки и переподготовки кадров.

ВЕРНУТЬСЯ В КОЛЕЮ РАЗВИТИЯ

Наш собственный опыт нулевых годов говорит о том, что мы можем развиваться на уровне 6–8% в год, хотя тогда таких темпов никто не ожидал. Набор инструментов для экономики роста известен, в ряде отраслей он опробован.

Для России небольшой экономически рост — это фактически спад. Как минимум 2% ВВП мы обязаны тратить на поддержку инфраструктуры — для предотвращения аварий, на экстренные ремонты и т.д. Иначе говоря, определенная часть дохода в стране должна уходить на поддержание домов, дорог, предприятий, а не на прирост.

Обеспечить высокий рост экономики благодаря подорожанию нефти и газа, как это было в 2000-х гг., точно не удастся, и последние два квартала это подтверждают. При этом значение нефтегазового экспорта как ресурса для рывка не стоит недооценивать. Топливо-энергетический комплекс еще долго будет обеспечивать базу для бюджета, но основой для экономического развития стать уже не сможет — его потенциал ограничен 1–2% роста в год.

Первый основной фактор — повышение нормы накопления (инвестиций) с текущих 20 до 25–27%. Второй — рост производительности труда на 5–6% в год вместо нынешней стагнации.

К этому надо подходить с нескольких сторон: модернизация производства, улучшение организации труда, развитие образования и профориентации, увеличение продолжительности трудовой жизни.

Исследования показывают, что оптимальным для страны является рост на уровне 4–5% ВВП

ежегодно. Чтобы выйти на нужную траекторию, мы должны повысить уровень накопления до 25–28% ВВП. Это значит, что, скажем, при ВВП в 100 трлн руб. придется тратить 25–28 трлн руб. на инвестиции в производство, в жилье, инфраструктуру и т.д.

Есть понятные способы перехода от стабилизации к экономическому росту: стимулирование инвестиционного и потребительского спроса (а не попытки его ограничить в страхе за цены), тиражирование успешного опыта в сельском хозяйстве и других отраслях. Проблема заключается в том, чтобы эти вещи «не заболтать», как это случилось с проектным финансированием.

Мы считаем, что у нас есть все основания для оживления экономики, даже если мы просто выполним уже объявленные решения, а не будем уповать на блокчейн, большие данные и прочие чудеса цифровой экономики. Оно случится, но только если сможет опереться на быстро развивающееся промышленное производство.

Мы не можем расти медленно, как сейчас, и не можем расти слишком быстро, как Китай, где уровень накопления превышает 30%. То есть мы можем выйти на накопления 30–35%, но в таком случае придется пожертвовать потреблением населения.

В нашей недавней советской истории это уже было. Поначалу, в период индустриализации и когда мы преодолевали страшные последствия Великой Отечественной войны, форсирование инвестиций было вполне оправдано, но уже в 1970–1980-е гг. высокий уровень накопления привел к значительному количеству избыточных мощностей, которые работали сами на себя.

Для России небольшой экономически рост — это фактически спад. Как минимум 2% ВВП мы обязаны тратить на поддержку инфраструктуры — для предотвращения аварий, на экстренные ремонты и т.д. Иначе говоря, определенная часть дохода в стране должна уходить на поддержание домов, дорог, предприятий, а не на прирост.

Потому зарабатывать нужно намного больше, чем эти +2%. А чтобы получать столь необходимый доход, нужно сначала вложить деньги в развитие производства. У нас одно из самых «больных» мест — это машиностроение. Практически ничего не производим. Развитие там близко к нулю. А ведь продукция этой отрасли жизненно важна для экономики!

Наши оценки говорят о том, что существенно го движения в экономике нет. Падение прекрати-

лось, есть небольшой рост, по ряду позиций есть хороший плюс (пищевая, химическая промышленность, транспортное машиностроение), но в целом нас вся эта стабильность (или стагнация) не очень устраивает.

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ШАГИ

Запуск экономического роста и стимулы для активного участия в нем бизнеса могли бы обеспечить следующие действия государства.

1. Рост зарплат в госсекторе, который является ориентиром для частного сектора.

2. Конкретный набор социальных программ в области здравоохранения, образования и науки, в которые могли бы включиться и частные деньги.

3. Планы по жилищному строительству.

4. Перечень инфраструктурных проектов, которые должны быть начаты в 2018–2019 гг., с указанием условий финансирования этих строек.

5. Внятное определение приоритетов промышленной политики, отраслей, которые будут поддержаны за счет бюджета и институтов развития.

И, наконец, последнее (возможно, самое главное) — определить роль региональных властей в выполнении этих решений и обеспечении ресурсов для них.

Экономика не может ждать, ей необходимы *стимулирующие* действия. Иначе она уйдет из стабилизации в стагнацию.

Прежде всего не преодолен спад в строительстве, которое имеет большой мультипликативный эффект на несколько смежных отраслей. Надо помочь ему восстановиться, тем более что мы недостаточно строим жилья, дорог и мостов, у нас большая потребность в модернизации существующей инфраструктуры.

Чтобы строить и ремонтировать больше, нужно, во-первых, использовать новые формы финансирования, например инфраструктурные облигации, они известны и понятны, но очень медленно внедряются.

Во-вторых, нужна доступная ипотека. Да, объемы ипотечных кредитов быстро растут, номинальные ставки снижаются, но реальные (за вычетом инфляции) остаются высокими, а основной части населения ипотека по-прежнему не по карману. Поэтому государству нужно расширять льготные программы в этой сфере.

Это ведь имеет решающее значение для повышения уровня жизни, для увеличения рожда-

емости — ничто так не способствует рождению детей, как собственная крыша над головой.

Помимо ипотеки, надо решительнее развивать арендное жилье и поощрять создание строительных кооперативов. Иначе говоря, жилищный рынок должен стать разнообразным. Вместе с тем надо поскорее заканчивать долевое безобразие: все отрасли используют для оборотного капитала банковский кредит, и только жилищное строительство почему-то присвоило себе право на привлечение бесплатных денег населения, которому взамен достаются все риски.

Чтобы ускорить рост, нужно преодолеть разрывы между теми секторами, где сконцентрированы финансовые ресурсы, и теми, где ощущается их острый дефицит. Пока мы будем делать этот маневр, экономика сможет опираться на доходы от тех секторов, где в последние годы были созданы современные производственные мощности, которые сейчас загружены не полностью. Благодаря этому они могут наращивать выпуск и без инвестиций. Но, конечно, возможности для роста у них совершенно разные.

Лучше всего перспективы у машиностроения: здесь можно было бы добиться темпов роста на уровне 7–8% в год и даже больше. Однако это только при дополнительных усилиях по снижению зависимости от импортных комплектующих, по продвижению продукции на внешние рынки и развитию технологий.

Ставку следует делать на авиастроение, космическую технику, энергетическое машиностроение, производство грузовиков, добывающей и строительной техники. Здесь есть хороший экспортный потенциал.

На уровне 4–5% в год можно поддерживать темпы роста химического и строительного комплексов. Особенно важен стройкомплекс, хотя его масштабы не такие уж и большие.

В агропромышленном комплексе можно ожидать поддержания темпов роста на уровне до 3% в год. В первую очередь это возможно сделать путем наращивания экспорта: потенциал импортозамещения в этой отрасли в значительной степени уже реализован.

То, что мы сделали в оборонно-промышленном комплексе и в сельском хозяйстве, — это чудо. Эти сектора мы не только обеспечили деньгами, но и ввели в них довольно большое количество современных мощностей.

Финансово-экономические и денежные власти не желают давать денег в экономику, объясняя это тем, что нет свободных материальных и трудовых ресурсов, которые можно было бы оплодотворить деньгами, и это приведет только к росту цен.

Наши исследования и оценки бизнеса эту позицию не подтверждают. В ходе кризиса произошел спад производства, и загрузка мощностей, по оценке Росстата, не превышает 60–65%, поскольку за последние четыре года замедлился прирост инвестиций.

По опросам руководителей 3,2 тыс. крупных и средних промышленных предприятий из 82 субъектов РФ, которые проводились Росстатом, основными факторами, ограничивающими рост производства в организациях обрабатывающей и добывающей промышленности, названы неопределенность экономической ситуации и недостаточный спрос на продукцию на внутреннем рынке. За ними следуют нехватка финансовых средств, дорогие кредиты и высокие налоги. В меньшей степени влияют недостаток квалифицированных рабочих, изношенность и отсутствие оборудования (https://issek.hse.ru/data/2018/02/19/1165386786/DK_promyshlennost_January_2018.pdf).

Избыточная занятость населения видна невооруженным глазом, безработица осталась на докризисном уровне. Конечно, не все мощности могут быть мгновенно задействованы, и не все люди могут быть мгновенно переучены и направлены на другую работу, поэтому речь не идет о том, чтобы разбрасывать кредитки направо и налево. «Впрыск» денег в экономику должен носить целенаправленный характер.

Такой способ существует — это проектное финансирование. Его внедрение широко обсуждалось в 2014 г., было поддержано Президентом и премьер-министром, поскольку оно крайне важно для экономики.

И вот результат: все необходимые решения по проектному финансированию были приняты, но за эти четыре года инвестиции в экономику превысили 60 трлн руб., из них через проектное финансирование проведено всего 150 млрд т.е. меньше четверти процента. Фактически дело ограничилось созданием комиссии по отбору проектов, все усилия пропали даром по двум причинам.

Во-первых, это неудобно и сложно для чиновников и финансистов: там нет предмета для

залога, им как бы выступает сам проект, а значит, банкирам и чиновникам приходится учиться отличать яму от котлована.

Во-вторых, и это главное, в финансово-экономическом блоке Правительства никто не хочет брать на себя ответственность за риски неэффективного использования государственных средств. Принцип у них простой: если вы не даете государственные деньги, то никакой ответственности не несете перед Счетной палатой или прокуратурой.

Если люди во власти не принимают решений, т.е. не выполняют свою основную работу, им надо становиться аналитиками, которые дают советы, но не несут за это никакой ответственности.

Новая экономическая политика заключается в том, что власть должна не бояться брать на себя ответственность за инвестиции. Тогда она будет служить образцом для бизнеса, и есть шанс получить результат.

Решение этой проблемы носит эшелонированный характер. Крупные проекты, скажем, Керченский мост, уже фактически получают средства на принципах проектного финансирования: государство так или иначе субсидирует процентные ставки по кредитам на строительство, гарантирует их возврат, следит за эффективностью использования средств. А вот чтобы проектное финансирование заработало на уровне среднего бизнеса, необходимо участие не только федерального правительства, но и региональных властей [3].

Только использовав все эти возможности, мы получим и более высокое место в иерархии экономик, и сможем поднять наш жизненный уровень.

НОВЫЙ МАЙСКИЙ УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА И ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сейчас цели, поставленные перед Правительством, куда более амбициозные, чем раньше. Указ создает операционную систему для их достижения, ставит конкретные задачи Правительству и закрепляет контрольные показатели. Конечно, эти цифры — некоторое упрощение, реальная жизнь намного богаче и сложнее, но если показателей будет больше (150–200), то отследить их просто невозможно.

Ключевое решение в указе — подготовка и корректировка в течение пяти месяцев 12 национальных проектов (программ). Это означает

окончательный переход к проектному государственному управлению.

По нашим оценкам, через национальные проекты будет администрироваться значительная часть бюджетных расходов, т.е. практически все, что не касается «рутинных» процессов: выплат пенсий, пособий, зарплат, а также обеспечения обороны и безопасности.

Часть этих документов фактически уже принята и исполняется. Теперь самое главное, в каком виде примут новые и изменят действующие проекты. Ведь их легко превратить в набор красивых лозунгов.

Национальные проекты — это прежде всего информация для бизнеса о том, где и что государство будет делать, куда оно вложит свои ресурсы и, следовательно, какие условия будет создавать для частной инициативы.

Госслужащие из своих кабинетов не в силах, скажем, добиться повышения производительности труда на 5%, но они могут способство-

вать созданию условий, чтобы этой проблемой занимался бизнес, чтобы работники не болели, повышали квалификацию и т.д.

Примечательно, что в перечне национальных проектов отсутствует государственное управление. Это означает, что глобальных попыток построить из государственного аппарата некий теоретический идеал (и тем самым парализовать его работу как минимум на год) не будет, — изменения предстоят точечные и по вполне прагматичным основаниям.

Успеха можно добиться только совместными скоординированными действиями. Надо обязательно делиться позитивным опытом, тиражировать лучшие достижения. Обмен лучшими практиками и рецептами решения проблем поможет стране преодолеть сложный период и взять курс на развитие в кратчайшие сроки.

Главное, надо скорее перезапустить два основных двигателя экономического роста — спрос и инвестиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. Монография. Ивантер В.В., ред. М.: Научный консультант; 2017. 196 с.
2. Славянов А.С., Хрусталёв Е.Ю. Проблемы формирования инвестиционной стратегии инновационно-ориентированного экономического роста. *Проблемы прогнозирования*. 2011;(3):19–30.
3. Ивантер В.В. Стратегия перехода к экономическому росту. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2016/04/strategiya-perehoda-k-ekonomicheskomu-rostu-Ivanter-nauchnaya-statya.pdf>.

REFERENCES

1. Structural and investment policy for economic growth in Russia. Monograph. Ivanter V.V., ed. Moscow: Nauchnyi konsul'tant; 2017. 196 p.
2. Slavyanov A.S., Khrustalev E. Yu. Problems of formation of the investment strategy of innovation-based economic growth. *Problemy prognozirovaniya*. 2011;(3):19–30.
3. Ivanter V.V. Strategy for the transition to economic growth. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2016/04/strategiya-perehoda-k-ekonomicheskomu-rostu-Ivanter-nauchnaya-statya.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивантер Виктор Викторович — доктор экономических наук, академик РАН, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия
vvivanter@ecfor.ru

ABOUT THE AUTHOR

Viktor V. Ivanter — Dr. Sci. (Econ.), Academician of RAS, Scientific Director at the Institute of National Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia
vvivanter@ecfor.ru

